

ОТ ЛОКАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ: ПОЛИТИКА “КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ”

- Can the Subaltern Speak? (Гайятри Спивак)
- Да, но кто его будет слушать ... (А.У.)

В июне 2000 г. в Бирмингеме прошла третья международная конференция *Crossroads in Cultural Studies*¹ – событие значительное по всем меркам. Конференция “переехала” на родину “культурных исследований” из Тампере (Финляндия), где проходили две предыдущие встречи (с периодичностью раз в два года), однако в Бирмингеме не задержится, поскольку уже следующая – четвертая по счету – конференция состоится в Амстердаме.

Значительность этого события определяется, прежде всего, количеством участников и тематической множественностью (более точно, разбросанностью) докладов. (Воз)дух промышленного Бирмингема как нельзя лучше сочетался с атмосферой модернизированного интеллектуального конвейера²: было очевидно, что *Cultural Studies* (CS) перестали быть маргинальным постмарксистским проектом³ и превратились в огромную культурно-исследовательскую индустрию по воспроизводству живой (не обязательно марксистской) силы, охватившей своим влиянием практически все англо-саксонские университеты (от Южной Африки до Канады), а также весь остальной мир (каким-то непостижимым образом идеями CS смогли проникнуться и венесуэльцы, и японцы, и даже, на-

пример, свазилендцы...), и созданию прибавочной стоимости в виде монолитно однообразных томов по мультикультурализму, субкультурам, гендерной и этнической идентичности, глобализации, консьюмеризму, культурной политике и т. п. Основным тем было около пятнадцати, в том числе: “Культуры повседневности”, “Глобализация и диаспора”, “Новые технологии”, “Культура и экономика”, “Социальная и критическая теория”, “Различие и идентичность”, “Знание и власть”, “Город, пространство и место”, “Культурная политика”, “Постколониализм” и др. Работа секций была организована в соответствии с этим списком основных тем и с учетом национальных и теоретических предпочтений руководителей секций. В качестве специальных гостей были приглашены известные (и не очень) теоретики, которые, как потом выяснилось, должны были представлять не столько *the state of the art*, сколько специфические отклонения от доминирующей модели CS. Наиболее значимой фигурой среди гостей был, разумеется, Стюарт Холл — один из экс-директоров Бирмингемского Центра культурных исследований, выступивший с докладом о перипетиях парадигмы мультикультурализма. Доклады других пленарных докладчиков порождали у громадной аудитории такое же чувство скуки и непонимания происходящего⁴, как это имеет место на наших больших конференциях, в программе которых непременным пунктом значатся пленарные доклады с якобы принципиально важными выступлениями.

Не имеет смысла рассказывать в деталях о работе секций, но некоторые обстоятельства, наиболее примечательные, все же хотелось бы упомянуть. Стороннему наблюдателю (в том числе любому постсоветскому теоретику, никогда ранее не сталкивавшемуся с подобным дискурсивным плюрализмом, но привычно осваивающему культуру в универсально-тоталитарных терминах культурологии) все происходящее показалось бы как минимум вавилонским столпотворением. Это впечатление можно было бы сравнить, например, с ощущениями от парадных приемов, где имеет значение лишь зрелищность и церемониальность; или же с положением феминистских теоретиков на мировых женских форумах. Тем не менее конференция, и содержательно, и организационно, обладала вполне четкой внутренней логикой, которая лишь непосвященному кажется воплощением поговорки “в огороде бузина, а в Киеве — дядька”. Безусловно, организаторы конференции стремились к соблюдению некоторых ключевых принципов того, что может быть названо “идеологией” культурных исследований, и в этом смысле понятия “политической корректности” (несмотря на явно пошатнувшуюся репутацию последней), “мультикультурализма”, этнического, классового и гендерного равенства имели особый смысл. Марксизм был явным теоретическим фаворитом (возможно, потому, что конференция все-таки проходила не в Америке, а в особенно чувствительной к левым идеям Англии) — стоило посетить некоторые из секций, посвященных марксистской теории, чтобы это прочувствовать в полной мере (посидев на полу в переполненной аудитории и подышав одним воздухом со старыми британскими марксистами): например, “Dead Dog Or New Research Agenda: Gramsci In Cultural Studies” или “Within Shouting Distance: Marxism And Cultural Studies”. В общем-то, все было сделано для того, чтобы “subalterns” могли высказаться — не важно, будут ли они при этом слушать друг

друга, а точнее, поймут ли один другого: ибо, с одной стороны, столь необходимая тематизация *локального* в контексте глобализации привела к тому, что сформулированные темы звучали слишком экзотично, поэтому порой ощущение своей чуждости при обсуждении некоторых слишком специфичных, слишком локальных проблем было особенно острым⁵. С другой стороны, эта (дока)лизация носила ярко выраженный англо-американский характер, то есть все дискуссии проводились на английском языке, который в некоторых случаях больше напоминал местные земные диалекты, понятные лишь другим представителям того же “племени”.

На мой взгляд, наибольшей гомогенностью дискурса отличались всего несколько секций: традиционно — это феминистские секции, коих было немало в Бирмингеме (например, “Cultural Consumption and Feminism”, “Cyberfeminist Strategies”, “Queer Icons in Contemporary Cultures”, Feminist Cultural Studies of the Media” и др.); это секция “бахтинovedов” — “Cultural Dialogues and Dialogic Cultures: Michail Bakhtin and the Communication of Cultural Studies: Lessons in Classical and Literary Bakhtin” (одна из наиболее многочисленных и наиболее долгоиграющих секций всей конференции); секция адептов новых технологий — “Politics of Technology”, узурпированная словенцами, которым, как стало очевидно в какой-то момент, глубоко безразлично — должна ли идти речь о “культурных исследованиях”, или о чем-то еще (этим “чем-то еще” могла быть диетология или менеджмент). В теоретическом плане одной из наиболее интересных и плодотворных секций была “немецкая” секция, посвященная анализу соотношения и пересечения между *Kulturwissenschaften* и “культурными исследованиями” — “Crossroad Cultures: German Kulturwissenschaften and Cultural Studies” (впрочем, та же секция была и наиболее скучной, по-немецки скучной — то есть чрезмерно обстоятельной и монотонной).

Восточная Европа оказалась единственным регионом, почти полностью выпавшим из сферы влияния CS, и это обстоятельство можно считать наиболее примечательным фактом, поразившим мое воображение не меньше, чем разложившаяся (в смысле — предельно обуржуазившаяся) идеология британских CS. Мало того, что лишь одна (!) секция была целиком посвящена ситуации в области CS в Восточной Европе, но еще интереснее то, что из более чем 800 участников Восточную Европу представляли от силы 6–8 человек (некоторые из них, как выяснилось в процессе, с трудом ориентировались в том, что, собственно, происходит). Почему так получилось, стоит ли вообще этот факт драматизировать, нужны ли нам (“восточноевропейцам”) “культурные исследования”, а им (“западным теоретикам”) наша точка зрения на “их” мультикультурализм и “их” глобализацию? Эта проблема имеет несколько возможных ракурсов обсуждения. В более глобальном аспекте речь идет о весьма симптоматичной ситуации, смысл которой нам всем стал ясен в прошлом году, когда вся Восточная Европа эйфорически праздновала десятилетие падения Берлинской стены — предполагалось, что восточноевропейцы нормализовались настолько, что пора перестать рассматривать их как диких животных зверюшек (еще вопрос, нужно ли их рассматривать в качестве полноправных партнеров по диалогу, но факт остается фактом — из “Другого” Восточная Европа плавно трансформи-

ровалась в *Subaltern*). Причина отсутствия болгар, поляков, венгров и многих других представителей Восточной Европы на конференции состояла в банальной экономической несостоятельности, невозможности платить самим за себя, как того требует статус “нормальности” в западном мире⁶. При этом никто особенно этого отсутствия не заметил и по этому поводу не сокрушался. И здесь мы подходим ко второму, более важному аспекту проблемы. Дело в том, что концептуально Восточная Европа практически неизвестна западному интеллектуальному сообществу — за исключением «классиков» Бахтина и Лотмана, лишь Жижек оказался конвертируемым и интересным для Запада мыслителем. С точки зрения CS, мы — абсолютные аборигены, говорящие на своем языке (языке предельно архаическом): культурология постсоветского образца там никому не интересна. И с этим, видимо, нужно смириться, коль скоро желаемой интеграции культурологии и CS в обзорном будущем не намечается.

Примечания

¹ Тем, кому эта конференция интересна в деталях, можно посоветовать заглянуть на web-site: www.crossroads-conference.org.

² Конференция длилась 4 дня, параллельно работали примерно 18 секций (в каждой не меньше 6 докладов), “новая вахта” заступала каждые два часа по всем 17–18 секциям. Только при очень хорошем физическом состоянии и невообразимой сосредоточенности можно было решиться на шизофреническую беготню по этажам и аудиториям с тем, чтобы получить более или менее объемную картину происходящего.

³ *Для справки:* “Культурные исследования” (*Cultural Studies*) — междисциплинарная сфера исследований культуры эпохи позднего капитализма. Появление *Cultural Studies* тесно связано с британской интеллектуальной традицией, и более конкретно — с созданием Бирмингемского Центра культурных исследований в 1964 году, первым директором которого стал Ричард Хогарт (на этом посту его сменил Раймонд Уильямс и Стюарт Холл (с 1968 по 1986). Позднее Центр был преобразован из исследовательской структуры в факультет культурных исследований и социологии при Бирмингемском университете.

С конца 80-х гг. “культурные исследования” начали активно институционализироваться также и в университетах США, Канады и Австралии, однако в каждой стране они обрели свою “локальную” специфику. Так, главное различие между британским и американским подходами состоит в том, что британская школа в очень значительной степени была подвержена идеям марксизма и вообще тесно связана с левыми движениями, с анализом культуры рабочего класса в противовес исследованиям культуры элитарной. Американцы же, в целом невосприимчивые к марксизму, обратили эти идеи в сторону анализа расовых и гендерных проблем: для американских *cultural studies* теоретической базой явились проблемы, изучавшиеся в рамках культурной антропологии, американских исследований, исследований массовой культуры, *black studies*, *women studies*, которые в своей совокупности озабочены вопросом идентичности субъекта в индустриальном обществе — идентичности национальной, расовой, этнической, культурной.

Это направление известно своим эклектическим характером (в области методологии) и политическим подтекстом. *Cultural Studies* являются и академическим проектом, и социально-политическим движением, это интеллектуальная и политическая идеология в духе лучших традиций марксизма. «Культурные исследования» основываются на представлении о том, что современный мир — это тотальная множественность — классовая, расовая, этническая, культурная (принцип “мультикультурализма” (*multiculturalism*)). Это направление исследований вовлекло в свою орбиту множество ранее не изученных, маргинальных объектов и феноменов, а если и исследовавшихся, то не получивших академического признания — например, телевизионные новости, этнические меньшинства, поп-музыка, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров (моллов), комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейлэнда, “феномен Барби” и т. д. Кроме того, разнообразные “меньшинства”

или те, кто к таковым себя причисляет, получали академическую трибуну для выражения своих взглядов (потому иногда «культурные исследования» называют «дискурсом меньшинств»). Зачастую именно с этим направлением связывают рост популярности принципа “политической корректности”.

“Культурные исследования” создавались в атмосфере напряженных дискуссий по поводу самых насущных проблем современности, изменивших стиль жизни и социальные реалии западных обществ: индустриализация, модернизация, урбанизация, усиливавшаяся дезинтеграция локальных общин, коллапс западных колониальных империй и развитие новых форм империализма и неоколониализма, развитие массовых коммуникаций, возрастающая коммодификация культурной жизни, создание глобальной экономики и повсеместное распространение массовой культуры, возникновение новых форм экономики и идеологически мотивированной миграции и возрождение национализма, расового и религиозного притеснения. “Культурные исследования” представляют собой своего рода культурную антропологию современных, постиндустриальных обществ. Это теория, понимаемая как практика, которая может и должна активно вторгаться в социальные процессы.

Не исключено, что пленарный доклад, например, южноафриканского специалиста в данной области Кейана Томазели на тему “*Cultural Studies as ‘Psycho-Babble’*”. *Post-LitCrit, Methodology and Dynamic Justice*” имел непреходящее значение для истории CS, но мне этого прочувствовать не удалось.

В качестве иллюстрации можно вспомнить здесь некоторые темы секций и докладов: “Археология южноафриканской идентичности: роль англо-бурской войны”, “Медиа и ведьмачество” (колдовство, то есть), “Землетрясение как социальное событие”, “Социальная организация знания по Дороти Смит”, “Конструирование женской (?) идентичности”, “Репрезентация участия турецких войск в гуманитарной акции НАТО в Косово в турецких газетах”, “Королевская власть, спорт и национальная идентичность в Марокко”, “Корейские блокбастеры: Йонгари, Мимикрия или Годзилла? Или глобальный динозавр?”, “Дискурс о пищевом жире в Швеции в период с 1863 по 1910 гг.”. Ну и так далее.

⁶ О постсоветских теоретиках я даже не говорю, ибо “нормализация” восточноевропейцев никак не коснулась нас, точнее она на нас не распространялась: наша экономическая несостоятельность стала еще рельефнее в условиях возведения нового “железного занавеса”. Мы перестали быть интересными Западу, пусть даже в предельно невиданой для нас форме — в качестве экзотического Другого из страны третьего мира. Перемещение центра внимания на другие регионы — это не только культурное потворение или политическое разочарование, это также означает — в ситуации Бирмингемской конференции, например, — что никто больше не станет заботиться о принудительном “вывозе” постсоветских гуманитариев на Запад.

А. Урманова